«ПОПУЛЯРНАЯ МУЗЫКА ДЛЯ МЕНЯ — ЭТО ИГРА»

Леонид ШИРИН о современных исполнителях, диалектике и коллективном бессознательном

Он уже давно потерял счет песням, которые создал. На просьбу назвать примерное количество задумывается и отвечает приблизительно: около 300. Произведения с его музыкой или текстами — в творческом багаже известных отечественных исполнителей и звезд постсоветского пространства. Во время встречи он часто повторяет, что стремится отделять «важное от актуального». Эти слова — своего рода девиз известного белорусского композитора Леонида Ширина.

— Леонид, а что значит разделять «важное и актуальное»? Это же по сути слова-синонимы.

— В этом контексте я назвал бы их антонимами. Например, актуальное — желание, чтобы песня вошла в топ-чарты, а дальше — хоть трава не расти. А важное — это понять алгоритм, чтобы такое было и системно, и систематически. Это как удочка и рыба. Я научусь владеть удочкой — и тогда смогу ловить рыбу. Если человек устремлен к тому, чтобы прямо сейчас, без труда, был успех, — это актуальное. Меня такое не устраивает, если я не понимаю, как это произошло.

— Почему решили кардинально поменять сферу деятельности? Как пришли в музыку?

— Я до 30 лет занимался наукой, писал диссертацию о славянском фольклоре. Музыка всегда была рядом со мной, но это был отважный шаг. Даже не знаю, то ли от продуманности, то ли от отчаянья его сделал. Хотелось идти в ногу со временем. Наступили смутные 90-е, и я решил себя попробовать в музыкальном искусстве. Мне эта профессия была интересна, но я понимал, что моих знаний недостаточно. Хотя за плечами и была база: навыки самообучения.

— Кто ваши кумиры в музыке? Кого можете слушать, что называется «на репите»?

— По большей части это русская классика начала XX века — Шостакович, Прокофьев, Рахманинов, Стравинский, Римский-Корсаков. Еще нравится оркестровое искусство 50—60-х годов. Например, такие музыканты, как Уэс Монтгомери, Джо Пасс, Джанго Рейнхардт, — гитарные боги для меня, «Пинк Флойд», «Квин». В последнее время я люблю малоизвестные вещи из неизданного «Биттлз», «АББА», изучаю творческую лабораторию этих коллективов. Меня интересует, каким образом люди хотели высказать нечто вечное, пока не было гонки за чартами, хайпами. Современную музыку я слушаю с целью понять, куда движется мир.

— И куда он движется, на ваш взгляд?

— Это некая синусоида. Если миру отпущено еще лет 20, то это катастрофа. Если мир будет существовать столетия, то сейчас период, когда эта кривая пошла вниз. Но она точно вернется на привычные позиции. Это диалектика. Сегодня людям хочется сказать нечто оригинальное, но все равно говорить придется на поляне вечных ценностей. В наше время нарушена преемственность в этом вопросе. Молодые люди не знают того, что было даже 20—30 лет назад. Сейчас идет несортируемый поток информации, в котором ориентируются лишь люди с устойчивым взглядом на мир. «Мне нравится, что вы больны не мной» или «Я обращаюсь с требованьем веры», — это же такое старье, говорит молодежь. А мы вот придумаем десять слов: «зажжем ночь», «быть с тобою рядом», «касаться взглядом» — и вся эта история кажется новой.

— На каком уровне сейчас находится отечественная шоу-индустрия? Достаточен он для нас или есть еще свободные ниши?

— Большая часть музыки русскоязычная, появляются и белорусскоязычные исполнители, которые ищут себя и становятся востребованными. Резерв и ресурс есть. И я вижу это по детям 10—14 лет, с которыми работаю. В них моя главная надежда. Они музыкально вполне состоятельны с точки зрения техники, подхода, кругозора и заряжены на мир. Мне хотелось бы, чтобы они представляли себя как люди, которые несут что-то из нашего культурного пространства со своим национальным оттенком, духом места, где родились. Белорусская земля производит таланты так же, как и любая другая.

— Как вы находите контакт с зарубежными исполнителями?

— Лет десять назад мне помогал в этом Александр Тиханович. Он многих артистов знал лично, давал мне контакты, и я предлагал материал. Сейчас же довольно легко найти адреса, на которые можно высылать свои работы. И в этом плане молодым авторам проще. Но, с другой стороны, песен приходит очень много, и не всегда исполнители могут все рассмотреть. Многие певцы теперь обращают внимание и на то, способен ли композитор системно работать, воспроизводить постоянно качественный материал. Бывают случаи, когда автор написал хит, а потом не может долго войти в ту же реку. Долгие контакты завязываются с теми, кто в профессии не один день.

— С кем из российских исполнителей у вас сложился такой контакт?

— С Александром Серовым, Львом Лещенко, Таисией Повалий, Алексеем Глызиным.

— Есть отличие в работе с белорусскими и российскими артистами?

— У наших исполнителей меньше возможностей. У соседей одна песня из пяти становится хитом. Это очень хороший процент. У нас артист записывает за год всего две-три песни. Экономические возможности пойти на эксперимент у певцов ограничены. Российские исполнители пишут каждый раз «очередную» песню, а наши артисты часто пишут свою песню как «последнюю» в силу того, что у них меньше прав на ошибку.

— Для вас популярные песни — это выражение коллективного бессознательного. Как вы пытаетесь его прочувствовать?

— Я захожу в интернет и слушаю популярные новинки. Через время их забываю, потом начинаю слушать то, что люблю, — в итоге получается некий микс. Я не всегда ставлю перед собой задачу создать популярную композицию. Стремление написать хит — это не всегда стремление написать хорошую песню. Мне интересно создать материал, который можно будет прослушать через несколько лет и быть довольным, что являешься его автором.

— Вы продюсер, автор музыки для фильмов, театральных постановок. А какое место занимает в вашей деятельности популярная музыка?

— В большой степени популярная музыка для меня — это игра, своего рода лаборатория. Что-то получается, что-то не получается, а что-то является предвестником того, что скоро получится. Бывает, за день появляется несколько хороших идей, а бывает, за неделю ничего стоящего. Большой талант иногда превращает жизнь человека в обслуживание этого таланта. Я же умею радоваться успехам коллег. Если у них получилось, значит, и для меня дорога открыта. Если ты хорош тогда, когда вокруг слабые, — ценность успеха невысока. А если ты хорош, когда вокруг сильные, то и ты силен. Я в шоу-бизнесе настолько, насколько он не меняет меня в главном.

Леонид Ширин и Александр Тиханович.

— Вы были продюсером нескольких сезонов проекта для молодых музыкантов «Академия талантов». Сейчас ничего подобного у нас нет — одаренные ребята уезжают в другие страны. Почему мы больше не создаем такие творческие лаборатории?

— Наш проект дал свои плоды, это была для многих стартовая площадка. Я очень жалею, что таких проектов мало. Что мешает, не знаю. Может, нет денег, идей новых интересных форматов, чтобы они были привлекательными для молодежи и не душили их юношеский максимализм. Работа артиста — это труд над собой, изучение сольфеджио, совершенствование вокала, поиск своего автора, работа над аранжировкой. Навыки современного исполнителя должны быть от профессиональных до социальных. И очень приятно следить за ростом таланта. Пару лет назад, когда я был в жюри «Славянского базара», Гран-при взял казахский исполнитель Димаш Кудайберген. Когда через пару лет увидел, насколько он вырос, — я обрадовался, что неким образом к этому причастен, был в числе тех, кто его оценил.

— Международный культурный центр «Малиновка by Спамаш» объединяет талантливых артистов (в том числе и детей) и продвигает белорусскую культуру. Расскажите об этом проекте. Такое название выбрано как дань памяти известному белорусскому артисту?

— Центр — это попытка растить свои кадры. У нас уже на протяжении нескольких месяцев обучаются более 60 детей. Для них проводим мастер-классы с артистами, режиссерами, хореографами. Сердцевина центра пока детская школа. У нас очень хорошая студия, где мы записываем своих ребят, есть возможность работать и над зарубежными проектами. Александр Тиханович стоял у истоков этого центра, мы вместе строили планы. Отчасти этот проект — в память о нем.

— Текущий год был для вас знаковым, вам исполнилось 55 лет. Красивая цифра, значимая. К чему вы подошли в этом возрасте, какие достижения наиболее ценны?

— Важное — это и музыка, и мои литературные опыты, которые особо не показываю. Считаю, что главное, чего я достиг, — умение слышать другого человека, умение сказать «нет», способность довольствоваться необходимым, умение спокойно садиться за чистый лист и неумение успокоиться в плане творчества. Главное — жить в этом мире в ладу с близкими людьми и самим собой. А еще у меня есть мечты, я многому хочу научиться. Думаю, до конца года я смогу осуществить одно свое желание. И вы об этом точно узнаете. Это мне хотелось сделать с 16 лет. Я думал, что такое уже никогда не произойдет, а сейчас у меня есть возможность сказать, что я в одном шаге от цели.

Мария ДАДАЛКО.

Фото из личного архива Л. ШИРИНА.

Полную версию интервью читайте на нашем сайте.